

Глава 10

Чжан Пин последовал за Ван Янем в тихую комнату. Ван Янь приказал кому-то подать чай, прежде чем отпустить всех и закрыть двери:

«В этом случае я был не так проницателен, как вы. В конце концов, вы знали все тонкости больше, чем я».

Чжан Пин ответил:

«Сегодня в зале суда, если бы вы не принудил Ли Ци, то это дело было бы раскрыто только после того, как Цзинь Лифа проснется».

Ван Янь шагнул вперед на два шага:

«Да, да. Доказательств против Ли Ци на самом деле было недостаточно. Я просто блефовал».

Чжан Пин сказал:

«Одежда, которую Ли Ци носил, когда совершил преступление, должна быть в его комнате - на балке крыши или под плиткой пола».

Ван Янь был ошеломлен, услышав это:

«Вы хотите сказать, что знали, что Ли Ци был преступником?».

Чжан Пин ответил:

«Цзинь Лифа был ранен спереди. Я лишь догадывался, что преступником был кто-то из труппы. Это вы узнали, что преступником был Ли Ци».

Ван Янь закатил глаза, вытащил стул и сел на него:

«Мне не нужно, чтобы вы меня расхваливали. Я всего равно не верю всей этой лести. Как вы определили личность главного преступника? Расскажите мне».

Сказав это, Ван Янь налил в чашки чай.

Чжан Пин сказал:

«Я просто подумал, что не многие люди в мире умеют употреблять наркотики».

Если обычный человек пошел в аптеку приготовить экстази или купил какие-то странные лекарства, его обязательно заметили бы.

И решающим моментом в деле Ли Нъянг были наркотики, она была осквернена под действием наркотиков.

Ван Янь кивнул:

«Я понимаю. Да, в этом мире те, кто закрывают лицо для совершения преступлений, одновременно используя ароматизаторы, вероятно, относятся только к двум типам людей. Один из них - это насильники, одна они вряд ли могли сблизиться с Ли Нъянг. Другой тип - врачи, которые могли войти во внутренние комнаты резиденции и увидеть Ли Нъянг. Так как

от врача пахнет лекарственными травами, ему пришлось использовать сильный аромат».

Этот случай походил на пыльную паутину, и Чжан Пин случайно нашел важную нить.

Ван Янь взял свою чашку:

«Когда Цзинь Лифа пострадал, вы догадались, что это сделал убийца, убивший Ли Ньянг. Это из-за вашего сценария? На самом деле, это могла быть вендетта. Судя по моему многолетнему опыту, несколько, казалось бы, связанных случаев оказались просто совпадениями и имели разные внутренние истории».

Чжан Пин сказал:

«Вы правы. Вначале никто не мог предположить, что эти два случая связаны между собой, потому что не было доказательств. Было ясно, что два человека намеревались убить Цзинь Лифа. Нападавший должен был быть членом труппы, а другой человек должен был отвечать за сборку головоломки. Однако кто был вдохновителем, кто соучастником и причина нападения были неясны».

Ван Янь спросил:

«Поскольку все было неясно, как вы связали это с делом Ли Ньянг?».

Чжан Пин спокойным тоном ответил:

«У меня было два доказательства. Во-первых, когда мистер Цзинь был в коме, он упомянул Великого Желтого Бессмертного. Во-вторых, когда вы пришли расспросить меня, то спросили о том, что произошло в том году. Вы не спрашивали у меня об этом раньше, поэтому стало очевидно, что преступник намеренно слил какую-то информацию вам».

Ван Янь сделал глоток и спросил:

«Вы говорите, что моя вера в ложь преступника, наоборот, дала вам улики?».

Чжан Пин ответил:

«Я просто подумал, что преступник знал о Ли Ньянг и слишком заботился о ней. Этого не было бы, если бы преступник не имел к ней никакого отношения. Вдобавок я знал, что труппа пригласила врача дать руководителю Цзиню таблетку от горла. Затем в тот же день у Цзиня началась диарея, скорее всего, врач, леча горло, дал ему слабительное».

Ван Янь прервал его и махнул рукой:

«Хорошо, хорошо, хорошо - теперь можешь уходить».

Этот случай был явно не таким уж маленьким, но, судя по тому, как его описал Чжан Пин, казалось, что в нем нет ничего особенного.

Когда Ван Янь тщательно обдумал это, он понял, что это действительно не сложный вопрос. Однако тот факт, что он неожиданно не мог видеть сквозь это, заставил Ван Яня почувствовать удушающую панику. Глядя на Чжан Пина, он испугался еще больше.

Когда Чжан Пин собирался переступить порог, Ван Янь снова заговорил:

«Кстати, на вступительном экзамене в этом году лучше залезть в список. Я хочу точно увидеть, какую роль вы будете играть, когда войдете в императорский двор».

Чжан Пин сказал: «Я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваши ожидания».

Когда он ушел из Министерства юстиции, рынок уже кипел. Чжан Пин порылся в своем Чаншане и выудил несколько монет из узкой щели. Когда он вошел в тюремную камеру и переоделся в форму заключенных, его чаншань разорвали, но деньги все еще оставались.

Чжан Пин отнес деньги в киоск на улице. Он выпил миску каши и съел половину блина.

Преимущества пребывания в столице заключались в ее большом размере и населении. Вряд ли кто-то может определить, что человек вышел из тюрьмы.

После завтрака Чжан Пин пошел на восток вдоль реки. Он знал, что в водах есть впадина, и там, в долине, рос тростник. Никого быть не должно.

В полдень Чжан Пин вернулся в свою спальню с тростниковыми листьями. Чэнь Чуо уже знал, что дело окончено, поэтому с большой радостью купил на улице немного алкоголя и еды, чтобы отпраздновать это событие.

После ванны Чжан Пин не ел и не пил, вместо этого он замочил тростниковые листья в воде и тщательно вынул из кувшина несколько соленых утиных яиц.

Вечером Лань Цзюэ вернулся в свою резиденцию из ямэна служения. Вдруг, подъезжая к его резиденции, машина резко остановилась.

Лан Цзюэ выглянул в окно и увидел знакомую фигуру:

«Какой ученый пытается снискать мне расположение? Вы даже блокируете вход, чтобы отправлять подарки. Ладно, принесите мне подарок, чтобы я взглянул».

Через некоторое время ему принесли корзину.

Лан Цзюэ открыл крышку. Наполовину корзины были аккуратно уложены цзунцзы, тростниковые листья источали ароматный запах - еще теплые.

Лан Цзюэ закрыл крышку, вернул корзину окружающим и равнодушно сказал:

«Выбросьте ее».

На следующий день был Праздник лодок-драконов, так что ему не пришлось приходить в суд рано утром. Лан Хуэя увезли в резиденцию Лю, поэтому в большой резиденции остались только Лан Цзюэ и группа слуг.

Лан Цзюэ чувствовал себя очень подавленным. Последние несколько лет он всегда был один во время китайского Нового года и других праздников. Независимо от того, насколько хорошо был приготовлен цзунцзы на его кухне, он не был таким вкусным, так как Лан Цзюэ ел его в одиночестве.

Чтобы преодолеть немного скуку, Лан Цзюэ переоделся в обычную одежду и вышел из дома.

Он позволил своему маленькому креслу-седану остановиться возле рынка. Лан Цзюэ встал с кресла-седана и небрежно огляделся. Солнце было ядовитым, поэтому он пошел по тенистой

стороне улицы. Он прошел мимо прилавка, где продавались разноцветные саше. Впереди, под старой стеной, этот киоск все еще стоял, а столы и стулья все еще были пустыми.

Ученый, торгующий лапшой, в тени строительных лесов, читал книгу.

Лан Цзюэ подошел к киоску. Чжан Пин поднял голову и встал.

Лан Цзюэ спросил:

«Есть еще лапша?».

Чжан Пин невыразительно ответил:

«Нет. Есть каша и цзунцзы».

Лан Цзюэ прошел под строительными лесами и сел на свободное место. Чжан Пин принес миску с кашей и две порции цзунцзы и поставил их на стол.

Это была пшенная каша, очень густая, с какими-то белыми кусочками внутри. Лан Цзюэ попробовал это на вкус. Это были соленые яичные белки.

Лан Цзюэ небрежно спросил:

«Кстати, с Чэнь Чуо все в порядке?».

Чжан Пин ответил:

«Не в порядке. Он съел слишком много цзунцзы, и сейчас спит».

Лан Цзюэ открыл цзунцзы, а затем спросил:

«В каше есть яичные белки, так почему же нет яичного желтка цзунцзы?»

Чжан Пин удручающе сказал:

«Яичный желток Цзунцзы готов».

Через некоторое время перед Лан Цзюэ он белую фарфоровую тарелку, и Лан Цзюэ не мог не рассмеяться.

На тарелку выложены два соленых яичных желтка, залитых золотисто-красным маслом.

<http://tl.rulate.ru/book/52773/1480800>